

Еслям Зикибаев

Предлагаемые читателю стихотворения принадлежат перу начинающего поэта Е. Зикибаева, студента четвертого курса отделения журналистики.

Еслям 24 года. Он родился в семье колхозника, в ауле Урнек, Северо-Казахстанской области. Окончив среднюю школу, поступил в университет. Здесь, в нашей многотиражке, опубликовал свое первое стихотворение. Сейчас стихи Е. Зикибаева печатаются в областных и республиканских газетах.

Еслям полон творческой энергии. Его стихи подкупают читателя национальным колоритом, горячей любовью к родному краю, к людям.

Сары Арка*

Моя Арка —
Гнездо, откуда я взлетел.
Моя Арка,
Ты кузница родных напевов.
Тебе стихи неоперившиеся пол
Я, как влюбленный, просто,
неумело.

Я сын твой,
Вольная Арка моя.
Ты дай призывное мне еще такое,
Чтоб жил я правдой всюду, не
таясь,
Чтоб никогда ни в чем не знал
покая.

Моя Арка!
Твой радужный цветок
Ношу я на груди.
Ношу, мечтая.
Ты мне дала все то, что взяты
я мог

Мечты мои —
Простор великий твой.
И пусть я как поэт еще не
признап,

У милого родного края.
Как ты прекрасна,
Мой надежный друг! —
Исток всего красивого, большого.
Не могут птицы улететь на юг,
С тобою не простившись добрым
словом.

Мои стихи —
Мою к тебе любовь,
Прими, Арка, их вместе с моей
жизнью.

* Сары Арка — золотистая степь.

Тоска у телефона-автомата

По твоему я голосу истосковался.
Ну, говори же, милая, быстрее.
Нам очень мало времени осталось,
И очередь скопилась у дверей.

Я так тоскую по твоим глазам,
Передо мной всегда лицо твоё.
Тебя мне не хватает, как сада.
Недостает шелканья соловьев.

Ведь мы не в роще, где блестит
роса,
Где можно до зари вдвоем
молчать.

Мы так тоскуем:
Я и мое сердце.
Ну, говори же, милая, быстрее.
Ну, говори же,
Брось свое кокетство,
Ведь очередь скопилась у дверей.

Ну, говори же,
Стрелка на часах
Успела три минуты пробежать.

Перевод с казахского
В. ИЛЬИНСКОГО.

ОТВЕТЫ

НА СПОРТИВНУЮ ВИКТОРИНУ,
СПУБЛИКОВАННУЮ
30 ДЕКАБРЯ 1959 ГОДА

1. Рекорд в стрельбе, когда выбито полное количество очков.
2. Огуренков.
3. 16 ноября 1959 года американский парашютист Йоэ Киттенгер совершил прыжок с парашютом с высоты 22920 метров.
4. Находясь на всеююзных сборах в Кабулетти, парашютистка республиканского аэроклуба Ирина Кравченко вместе с Т. Солдадзе и Г. Андреевой установили мировой рекорд в групповом прыжке с высоты 1000 метров. Среднее отклонение от центра равно 8,77 метров.
5. Рекордсмен страны в беге на 100 метров Сухарев (10,3).
6. Русский борец Георгий Гакеншmidt по прозвищу «русский лев».
7. Штангист Чень Цзин-кай в 1956 году толкнул штангу весом 133 кг. Это было на 500 граммов больше официального мирового рекорда Ч. Винчи.
8. В. Стогов, В. Бушуев, Р. Плюкфельдер и Ю. Власов.
9. Стейниц, Ласкер, Капабланка, Алехин, Эйве, Ботвинник, Смыслов.
10. Окончив университет кандидат в мастера Галек и преподает международный мастер А. И. Гербстман.
11. Борис Шилков в 1955 г. на алма-атинском высокогорном катке пробежал 5000 метров за 7,45,6.
12. Р. Шавлакадзе — 2 м 13 см и И. Кашкаров — 2 м 12 см.
13. В 1947 г. англичанин Кемпбелл развил скорость 634,26 км в час.
14. 11 раз.
15. Л. Назмутдинова.
16. 22 ноября 1959 г. В. Овсепян толкнул ядро на 18 метров 1 см.
17. М. Дубова.
18. Штангист легчайшего веса С. Ульянов выжал 110,5 кг, побив на 500 граммов мировой рекорд американца Г. Винчи.
19. 3000 лет.
20. Ю. Власов, 500 кг.
21. Сборная команда СССР.

Приближается новый спортивный сезон. Волейболистки сборной команды университета упорно готовятся к будущим встречам.
На снимке: тренер Юрий Гуревич с участниками сборной команды волейболисток в спортивном павильоне.

Фото С. РЕЗНИКА.

СПОРТ СИЛЬНЫХ

Тренироваться лыжники начали еще в сентябре. Нас могут спросить, что за тренировки, когда земля еще покрыта зеленым ковром травы, светит жаркое солнце, а о снеге и думать нечего. Да, именно в сентябре. Под руководством опытного тренера Геннадия Сергеевича Самойлова спортсмены бегали кроссы, поднимали штангу, прыгали в длину, имитировали ход и посадку. Упал снег. На лыжню вышли юристы Г. Михайлов, А. Базаров, Э. Басаров, экономист В. Фурсов, физик К. Худайбердиев, с мехмата В. Долгов и другие. Среди новичков была и юристка Надя Владимировна. Тренировались точно по расписанию, пропусков не было. Каждый с нетерпением ждал соревнований. Недавно наши спортсмены участвовали во вторых республиканских зимних студенческих играх.

30 километров занял третье место. Он выполнил норму первого разряда. На первый разряд показала время на дистанции 10 километров и Надя Владимировна. Виктор Фурсов и Надя Владимировна поедут в Кокчетавскую область на республиканские соревнования, где будут защищать честь Алма-Аты. Г. Михайлов, А. Базаров, Э. Басаров, К. Худайбердиев, В. Долгов выполнили норму второго разряда. Лыжники нашего университета на вторых республиканских зимних студенческих играх заняли третье общекомандное место после Усть-Каменогорского педагогического института и института физкультуры города Алма-Аты. Сейчас снег уже мягок, скольжение ухудшилось, но тренировки не прекращаются.

А. ЛЫСЕНКО.

Последнее письмо

РАССКАЗ

«Не помнишь? Или хочешь забыть?»
Не верю, что все ушло, что ты меня ненавидишь!
Не верю, что ты полюбил сильнее, чем любил меня... Знаю, что пишу эти строки напрасно. Юность не приходит дважды. Любить меня тебе не за что... Мишка приподнялся на постели и положил листок на край тумбочки.
... По-разному у людей проходит юность. У одних она не оставляет следа, у других бывает такое, что и вспоминать неприятно. Романтик по натуре, любящий мечту, застенчивый от природы, но решительный и твердый там, где касаются его убежденности, Мишка шел по жизни гордо, увлекаемый красивыми, поднимаясь большими мыслями и делами.
Он не любил еще, хотя ему исполнилось 25. Когда-то он был дружен с одноклассницей. Это была та поэтическая дружба, которая если уж случится — память о себе оставляет на долгие годы. Они были сликком юны, да и само слово любовь для них отсутствовало. Они говорили много и обо всем. Ее звали Мила. Гордая, своенравная, быстрая. Чувства и ума у нее было столько, что иногда возникала мысль: одному человеку нести такой груз непосильно.
Но годы шли.
Нерешительность Мишки действовала на Милу угнетающе. И может быть эта напряженность, в которой она жила, бросила ее в такую крайность, откуда выход отрезан: она вышла замуж. За кого-то. Мишка об этом не знал.
Новая обстановка, в которой он оказался, находясь в армии, действовала на него примирительно. Сутки были заполнены до предела, думать о постороннем не приходилось. Связь с прошлым прервалась. Потом — КазГУ. Первый и второй курс юрфака. О Миле он знал только то, что она по-прежнему в Москве, преподает литературу. У нее ребенок, голубоглазая Леночка.
И вот... письмо. Ненужное, по

говорящее о многом и далеком. «Откуда она узнала адрес? Я уехал, не сказав ей ни слова», — думал Мишка и не додумывался до ответа. В другой раз она писала: «Я хочу тебя видеть!»
И я знаю это будет. И очень скоро. Хочешь ли, не хочешь — мы встретимся этим летом. А что потом — мне все равно! Да и не это важно. Важно то, что исполнится мое желание, и я проведу с тобой те немногие дни, которые у меня никто не отнимет. Я мечтала (еще давно) поехать с тобой по Москве; сходить в театр, послушать музыку, погулять в парках, может быть даже потанцевать.
Я ничего не требую от тебя, ничего не жду необыкновенного. Я только мечтаю... И верю, верю, верю...
Я знаю — тебе странно мое введение, но не спешите осуждать. Поверь, нет ни одной молодой женщины на свете несчастнее меня. Ведь для меня уже нет выбора. Мне дороги вы оба. Только к одному я больше привыкла, а без другого моя жизнь утрачивает вдохновение и краски. Первого не имею права отвергнуть, потому что отниму у своей дочери отца.
А второй?.. Миша... если ты будешь мне нужен, даже без любви ко мне, на расстоянии, такой, какой ты есть, тебе не уйти от меня. Я преодолею все для достижения цели. А цель у меня одна: чтобы ты не забыл меня. Только не забывай!.. «Возможно, ты не поймешь, почему я вспомнила тебя. Это не праздность. Миша, я не могу больше так. Семья не получилась. Что скрывать? Да, я навсегда связана с мужем, но он случаен так же, как случайна теперь улыбка на моем лице».
Письма или каждый день. Они перемежались открытками, открытки — письмами.
«Почему не отвечаешь? — обращалась Мила. — Чего-то боишься? Есть, наверное, третье лицо, которому может помешать наша взаимная переписка? Неужели ты мог подумать, что я посягаю на твою свободу? Пусть я замужем и у меня есть дочь. Но моя юность! — только моя! Есть вещи, которые мы не должны, не имеем права забывать и вычеркивать из жизни».
Уходя на лекции в университет, он обязательно прочитывал теперь свежую почту.
«Миша! — тревожилась Мила. — Не знаю, что со мной и что делаю. Ведь я обманываю и Евгения, и тебя. Разве я не знаю, что нам не быть вместе, что лучше было бы расстаться навсегда и ничем не тревожить тебя. Но слушать только голос рассудка — это несправедливо по отношению к себе...
Зачем я написала тебе первое письмо? Тысячу зачем и почему. Миша, неужели в твоём сердце не осталось ни одного уголка для твоей взбаломощной, беспокойной подруги? За прямоту и дерзость, за верность юности ты ренила изводить меня молчанием. А я-то верила, что меня любил по-настоящему, горячо, нежно и навсегда... Тебе, я чувствую, нужно холодное равнодушие. А я ведь взбаломощная! Если ненавижу — так всем своим существом. Если хочу чего — так буду до победного биться за свое желание. Если же люблю — так люблю горячо и сильно».
Мишка молчал.
Может быть действительно несправедливо молчать, когда где-то мечется в поисках прежней дружбы не нашедшая счастья любовь?

ребятам. И что ж? Далекая Мила нашла себе ярких защитников в лице Мишкиных друзей. Они советовали сейчас же написать хороший ответ, выпытывали все обстоятельства их встреч. Они уверяли, что сами напишут ей письмо, расскажут ей, что она ошибалась в том, кому адресовала свои горячие письма; можно ли заставлять страдать такое сердце?
А Борис (сосед по койке), неразговорчивый, углубленный в себя, но с чутьем, созревшим раньше времени, как-то подсел к нему и заговорил:
— Не верь ничему. Я не против доверчивости вообще: верить лужно. Но Миле... В ней нет искренности. Чего она хочет? Она поняла что играть любовью нельзя. И совсем неправда, будто она стремится к тому, чтобы ты ее только не забыл. Она хочет твоей любви. Была ли эта любовь у тебя — не знаю, но хочу, чтоб она не возникла. Твоя Мила даже в страстном объяснении недалеко ушла от выдержанного стиля чувствительных романов. Она эгзистка, но действительно женски горда и поэтому не допускает мысли, что гордость ее могут ущемить. Молчание твоё становится для нее оскорбительным. Вот она и жалобит тебя.
— Я тоже, перебил Мишка, так думаю. Если я подам хоть какую-то надежду Миле — семья не будет. Если промолчу — все пройдет. И без этого приходится часто слышать о неполадках в молодых семьях. Неужели я стану соучастником дела, которого не одобряю? Нет. Не стану.
Через день он читал новое, теперь уже последнее письмо.
«Тебе надоело все, что связано со мной. И когда я осознала это до конца, мне сделалось страшно: как я, вероятно, смешна и до глупости наивна в твоих глазах. А мои письма?! Отчаянные, требовательные, унижительные, голючие, нежные, обидные и поэтому неразумные и, должно быть, смешные...
Умный, дорогой, но жестокий друг, не вини меня. Что же делать? Я не могу измениться. Мне уже давно не 17, а сердце мое отказывается это понять. Весна, как много лет назад, ворвалась в мою жизнь, только с той разницей, что тогда была свободная, юная весна, а эта — мольба души... но все-таки настоящая весна, чистая и нежная... Ты не захотел разделить со мной радость вернувшейся юности. Ты постарался оттолкнуть протяннутые было к тебе руки, руки, которые теперь уже никогда не повторят своей горькой ошипки.
Я знаю — ты не напишешь. Ты не хочешь лгать. Я понимаю. И не серджусь.
Это — последнее письмо.
Прощай, мой хороший.
Может быть я поспешно потеряла свою мечту? Но и ждать твоих писем, ждать без вознаграждения радости — нет, ждать жалкой милости не хочу, не могу, не буду!
Не хочется верить тому, что мы простились и тому, что я так и не встречу с тобой. Но раз ты этого хочешь, значит так тому и быть.
Прощай, моя любовь и ты!»
В молчании, наступившем после чтения письма, то ли для себя, то ли для товарищей, он произнес те фразы, которые от него ждали, но которые так и остались непонятыми слушающими его.
— Мы расстались давно, — сказал Мишка, — расстались не попрощавшись. И если это — опоздавшее прощание, что ж, говорю я, — прощай!

М. КУПРЕЕВ.

После выступления С. Скитевой
„Зайдемте в столовую“

Под таким заголовком в номере нашей газеты за 27 ноября 1959 года опубликована заметка о работе студенческой столовой № 12, находящейся в главном учебном корпусе.
В заметке указывалось на ряд недостатков: отсутствие горчицы на столах, полотенца около умывальника, перебор со стаканами. Эти недостатки устранены.
В меню появились национальные блюда: мясо по-казахски, манты.

К сожалению, выбор блюд все еще ограничен. В редакцию поступают жалобы, что чай зачастую бывает холодный, грязная посуда со столов убирается несвоевременно. Что касается качества некоторых блюд, то они могли бы быть лучше.
Редактор Ш. Р. ЕЛЕУКЕНОВ.